

Василькова В.В.

Слюсарева М.Г.

г. Санкт-Петербург

ИЗУЧЕНИЕ СЕТЕЙ В СОЦИОЛОГИИ: НЕКОТОРЫЕ ТОЧКИ РОСТА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ЛАНДШАФТЕ

Главной особенностью современного знания о сетях стала многомерность и многослойность этой области знания, разнообразие методологических принципов, фундирующих такое знание. В значительной степени это обусловлено экспоненциальной популярностью данной тематики, что способствует тому, что знание о сетях одновременно «прорастает» в самых разных науках и областях знания – когнитивистике, социологии, экономике, политике, менеджменте, семиотике и др.

В социальном познании понятие сети имеет множество измерений, коннотаций и уровней рефлексии. Более того, можно сказать, что сетевой подход стал своеобразным кодом современного миропонимания.

Все это дает основание ряду ученых полагать, что «сеть» - это не столько понятие, сколько продуктивная «зонтичная» *метафора*, объединяющая некий гештальт, ракурс рассмотрения социального мира.

Эта метафора оказалась наиболее адекватной и перспективной для описания новой социальной онтологии, на наш взгляд, по ряду причин [1, с.17-18].

Во-первых, образ сети отражает пространственную неравномерность ткани социальной жизни, а также динамику (и саму возможность) ее трансформации (возможность «переплести сеть»). Для сетевого анализа важно зафиксировать различную степень плотности сети, различную интенсивность связей в разных зонах взаимодействия, порождающую узлы, агрегации и комплексы разной степени устойчивости. При этом важно подчеркнуть, что конфигурации сетей являются чрезвычайно динамичными – центр и периферия могут меняться, а точнее – «перемещаться» по сети.

Таким образом, сама метафора сети открывает перспективы для описания динамики социального переструктурирования.

Во-вторых, метафора сети несет в себе коннотацию разреженной ткани, что позволяет описать новый тип социальных отношений в современном обществе. Современное общество – это общество «слабых связей» (М.Грановеттер), в котором, мимолетные формы сотрудничества полезнее для людей, чем долгосрочные связи. Когда отсутствуют основания для формирования общих интересов, исчезает потребность и необходимость самого «искусства диалога» как проявления стабильных, долгосрочных, сильных связей. Еще одним атрибутом легкого современного капитализма, порождающего «ослабление связей», является консьюмеризм с его интенсивной сменой потребительских запросов и желаний. Теперь нет смысла держаться на устаревший или некачественный продукт – следует просто найти новый и усовершенствованный [2, с.176]. Это ведет не просто к тотальной временности партнерских отношений, но также к их поверхностности и функциональности – разреженному характеру социальной сети.

В-третьих, метафора сети ориентирована на созидание и социальное конструирование. Она чрезвычайно созвучна по смыслу постмодернистской (и герменевтической) традиции понимания творчества как ткачества. Слова «текст» и «текстиль» являются однокоренными, и по законам наложения смыслов в метафоре получается, что человек создает текст как ткань. Социальный актор также создает «ткань сети», выстраивая связи и отношения разной степени интенсивности. Причем процесс этого созидания касается не только онтологического, но и гносеологического уровня, т.е. процесса конструирования сети как предмета исследования.

И, наконец, в-четвертых, метафора сети – это, безусловно, метафора социетального уровня, охватывающая всю совокупность социальных отношений, поскольку в качестве сетей можно представить социальную систему любого уровня, включая все общество в целом. При этом структура

сети объединяет микроуровневые взаимодействия акторов и макроуровневые структурные конфигурации, что позволяет говорить об интеграционном потенциале теоретических моделей общества, базирующихся на сетевой метафоре.

При этом анализ сетей имеет значительный эвристический потенциал для социального знания не только в плане развития и трансформации социальной теории. Усиление влияния сетевого анализа, осуществляющего экспансию математических методов и методов моделирования, стимулирует позитивистскую составляющую социального знания со всеми предполагаемыми атрибутами строгого научного знания. Анализ сетей значительно расширил не только зоны применения существующих эмпирических методов исследования, но и сам арсенал этих методов.

В современной социологии сетевая теория активно используется для анализа различных явлений и феноменов. При всем существующем разнообразии было бы важным, на наш взгляд, выделить некоторые точки роста в исследовательском ландшафте данной тематической области. Для этой цели были проанализированы материалы, опубликованные в одном из ведущих международных журналов, весьма влиятельном на данном исследовательском поле - SocialNetworks. Рассматривались статьи за последние 10 лет.

На основании проведенного анализа были выделены некоторые часто обсуждаемые и фиксирующие внимание темы, которые могут интерпретироваться как некоторые точки роста в исследовательском ландшафте изучения сетей.

Целый ряд исследователей (в частности, Р. Берт), полагают, что социальные сети предоставляют собой сильную конструкцию для развития социологического знания, в рамках которой можно связать микро- и макро-уровни социальной теории, потому что они отражают социальную структуру как рациональные паттерны среди акторов внутри системы, которая, в свою очередь, запечатлевает социальную топологию более крупной системы [3,

р.585]. Исследования социальных сетей, которые направлены преимущественно на связывание микро- и макро- уровней, основаны на теории структурного баланса.

Также активно рассматриваются проблемы эволюции социальных сетей, под которой понимается изменение сетевых связей с течением времени. При этом некоторые авторы, такие как П. Дореиан [4, р.117], полагают, что теория структурного баланса может использоваться как один из подходов для описания эволюции социальных сетей.

Многие социологи, изучавшие развитие экономики, демократии, обмена, образования и профессионального роста в конце XX века, анализируют положительное влияние социальных сетей на эти сферы общественной жизни. В частности, некоторые из них доказывали, что связи, существующие в социальных сетях, позволяют уменьшить риск и неопределенности в экономических действиях индивидов [5, р.92]. При этом широко исследуется феномен внутрисетевого обмена, который описывает процесс, возникающий в том случае, если экономические акторы выбирают в качестве партнеров по транзакциям тех людей, с которыми у них уже сформировались некоммерческие связи. Отмечается, что социальные связи позволяют формировать стартовый капитал, а внутрисетевой обмен является источником капитала бизнеса, принадлежащего этническим или религиозным меньшинствам. Процесс поиска возможностей для инвестиций также связан с социальными сетями. Акторы предпочитают искать информацию о подобных возможностях у своих друзей и бизнес партнеров, поскольку считают их источником достоверной информации [5, р.93]. Для описания данного явления используется термин «поисковая вовлеченность». Однако в ходе своих исследований У. Бакер и Р. Фаулкнер доказали, что социальные сети не влияют на время первых инвестиций, то есть те, кто не используют социальные связи, не инвестируют позже. Можно предположить, что влияние социальных сетей на экономическое поведение индивида проявляется в других аспектах данного типа действий.

Ученые, изучающие социальные сети, подчеркивают продуктивность использования междисциплинарного синтеза социологии и психологии в изучении сетей. В целом «кластере» работ обсуждается влияние индивидуальных психологических особенностей на структуру сети. Есть примеры того как концепты из теории социальных сетей возникают из исключительно психологических основ. К таким примерам относится связь теории силы слабых связей М. Гранноветтера и концепции структурного баланса Картрайта и Харари, которая является сетевой версией теории баланса Хеидера. Ч. Кадушин полагал, что ориентация объектных отношений индивида в раннем детстве приводит к сплоченности сети и низкой сетевой ограниченности во взрослом возрасте. Однако Ю.Калиш и Г.Робинс уверены, что индивидуальные сетевые партнеры есть сами акторы и необходим процесс согласования между индивидуальным и партнером, чтобы стало возможным формирование социальной связи [6, p.59].

Их исследования показали, что у индивидов имеет определенный уровень выбора в структурировании своих социальных миров и этот выбор может быть частично сформирован индивидуальными особенностями. Ю.Калиш и Г.Робинс установили, что люди, которые включены в большое число триад сильных структурных дыр, являются индивидуалистами. Для них характерно собственное мнение, представление о своей уникальности. Те же, кто включен в слабые или смещенные структурные дыры, в большей степени ориентированы на группу. Они воспринимают себя через принадлежность к группе, и их связи с другими социальными кругами могут быть только слабыми. Также было установлено, что те, кто выбирают замкнутость сети, более социальны, энергичны и имеют навыки обхождения в различных социальных ситуациях. Для них важны такие ценности как послушание, безопасность и долг. Что более важно, они воспринимают мир через дихотомию «мы – они», и их социальная идентификация важна для них в определении себе и мира. Люди, в чьих сетях наблюдается большое число структурных дыр, склоны к неврастению. Возможно, что такие люди не

доверяют окружающим и выбирают стратегию «разделяй и властвуй» при конструировании своих сетей [6, p.84]. Также было установлено, что интроверты склонны знакомить своих друзей, что ведет к увеличению плотности сети. В целом часто подчеркивается, что для более тщательного изучения влияния психологических факторов на структуру сети необходимы лонгитюдные исследования.

П. Тоттердел, Д. Холман и Э. Хакин предложили использовать способность индивида к установлению контакта с другими как один из атрибутов индивидов, влияющих на формирование и структуру социальных сетей [7, p.293]. Способность к установлению контактов часто присуща менеджерам и лидерам групп, они более склонны к установлению слабых связей и мостов, и это именно те типы связей, которые ассоциируются с получением власти и влияния в организациях. Эта способность позволяет более точно предсказывать размер сети и академическую адаптацию и квалификацию. Установление дружбы связано с количеством дружеских связей индивида, а не с числом связей советов. Предрасположенность индивида к установлению контактов иногда нуждается в дополнении другими качествами для того, чтобы скреплять связи, которые он или она склонны создавать. Те индивиды, которые обладают данной способностью, чаще оказываются так называемыми «хранителями врат» (gatekeepers), потому что они чаще исполняют лидирующую роль. В организациях они также склонны оказывать влияние на процесс принятия решений и предлагать больше идей, вне зависимости от размера их дружеских сетей и сетей советов.

Социологи также проводили исследования, касавшиеся связи между паттернами взаимодействия индивида с другими и тем, как индивид обычно воспринимается другими индивидами. В частности, У. Картер и С. Фелд показали, что индивиды, которые воспринимаются позитивно, имеют большие личные сети, по сравнению с теми, кого воспринимают негативно. Сети позитивно воспринимаемых характеризуются большей плотностью,

особенно когда учитывает размер их сетей. Больше людей ищут позитивно оцениваемых индивидов, а не негативно оцениваемых. Они также относятся к позитивно оцениваемым лучше, чем к негативно оцениваемым. Таким образом, позитивно оцениваемые люди стремятся к большему числу интеракций. Индивиды, оцениваемые другими негативно, имеют маленькие и неплотную личную сеть. Они оказываются в невыгодном положении во многих аспектах, таких как меньший доступ к информации, социальному влиянию и социальному контролю, более подвержены социальному одиночеству и имеют меньше ресурсов социальной поддержки. Негативно оцениваемые индивиды также не получают преимущества социальной поддержки, которая часто связывается с высокой плотностью сети. Однако исследования показали, что при определенных обстоятельствах низкая плотность социальной сети связана с большим удовлетворением социализацией, социальным подкреплением, эмоциональной поддержкой и когнитивным руководством. Можно предположить, что негативно оцениваемые индивиды, то есть стигматизированные индивиды, компенсируют негативные последствия маленьких личных сетей рациональным поддержанием относительно редких персональных сетей [8, p.328].

В качестве одного из важнейших направлений рассматривается проведение кросскультурных исследований сетей. Многие социологи полагают, что проведения таких изысканий необходимы для выявления социальных контекстов и социальных норм, окружающих социальные сети [9, p.375]. А. Адамс и его коллеги, в частности, полагают, что в данном случае лучше всего использовать метод фокус групп.

Социологов интересует также и проблема релевантности некоторых методов изучения сетей. В частности, как отмечает Дж.Муди, на протяжении 30 лет после начала активных эмпирических исследований сетей социологи концентрировались на изучении маленьких сетей (менее 100 акторов, но чаще всего менее 50 акторов). Большинство инструментов для сбора и

анализа данных было сконструировано именно для таких исследований, поэтому возникает определенная методологическая проблема - очень часто их нельзя использовать при рассмотрении крупных сетей [10, p.281].

Ученые, исследующие социальные сети, иногда используют социометрические методы сбора данных. Однако их неточность давно отмечается социологами. Известно, что индивидуальные отчеты о социальных интеракциях часто сильно отличаются от данных объективного наблюдения за теми же интеракциями [11, p.366]. В целом можно заметить, что в плане использования методов эмпирического изучения сетей преобладают количественные методы, широко используется математическое моделирование. При данном подходе сети рассматриваются как системы, причем используется атомарное видение социальных феноменов. Моделирование социальных сетей чаще всего представляет собой построение графов, в которых акторы являются вершинами, а ребра – связями между ними. Качественным методам внимания уделяется значительно меньше.

При проведении эмпирических исследований социальных сетей ученые часто сталкиваются с недостаточностью данных. Источниками такой проблемы могут быть так называемая проблема границ спецификации, неточность респондентов, отсутствие ответов при опросе или схема исследования. Данная проблема характерная для количественных исследований социальных сетей. Несмотря на то, что недостаточность данных встречается крайне часто, было проведено мало исследований, описывающих возможные последствия отсутствия связей и узлов. Дж. Коссинетц полагает, что на практике может быть сложным установить последствия отсутствия части информации и определить и отделить его источники [12, p. 266].

Специальному анализу подвергается этика социолога, изучающего социальные сети [13]. Необходимость сбора личной информации, такой как имена, места взаимодействия и так далее, требует от ученого гарантий не использования данной информации во вред информантам. Некоторые

социологи убеждают своих респондентов в том, что проводимые ими исследования приносят пользу им самим. Иные проблемы этического характера возникают при изучении сетей в виртуальном мире. Доступность частной, порой интимной, информации в социальных сетях Интернета не ограничивает исследователей, но требует особого внимания с точки зрения возможности опубликования не зашифрованных данных.

Безусловно, в рамках одной статьи невозможно зафиксировать все существующие точки роста, которые возникают на проблемном поле изучения сетей в социологическом знании. Однако процесс поиска таких ключевых исследовательских позиций очень важен для самой социологии, т.к. позволяет увидеть целостную семантическую «сеть знания о сетях».

Литература

1. Василькова В.В. Сети в социальном познании: от метафоры к метатеории // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 5. С.11-24.
2. Бауман З. Текучая современность / Пер с англ. СПб.: Питер, 2008.
3. Kang S.M. Equicentrality and network centralization: A micro-macro linkage. // Social Networks. 2007. Vol. 29. № 1.
4. Doreian P. Event sequences as generators of social network evolution. // Social Networks. 2002. Vol. 24. № 2.
5. Baker W.E., Faulkner R.R. Social networks and loss of capital. // Social Networks. 2004. Vol. 26. № 2.
6. Kalish Y., Robins G. Psychological predispositions and network structure: The relationship between individual predispositions, structural holes and network closure. // Social Networks. 2006. Vol. 28. № 1.
7. Totterdell P., Holman D., Hukin A. Social networkers: Measuring and examining individual differences in propensity to connect with others. // Social Networks. 2008. Vol. 30. № 4.

8. Carter W.C., Feld S.L. Principles relating social regard to size and density of personal networks, with applications to stigma. // Social Networks. 2004. Vol. 26. № 3.
9. Adams A., Madhavan S., Simon D. Measuring social networks cross-culturally. // Social Networks. 2006. Vol. 28. № 4.
10. Moody J. Peer influence groups: identifying dense clusters in large networks. // Social Networks. 2001. Vol. 23. № 3.
11. Feld S., Carter W. Detecting measurement bias in respondent reports of personal networks. // Social Networks. 2002. Vol. 24. № 4.
12. Kossinets G. Effects of missing data in social networks. // Social Networks. 2006. Vol. 28. № 3.
13. Goolsby R. Ethics and defense agency funding: some considerations. // Social Networks. 2005. Vol. 27. № 2.

Виноградова И. В.,
г. Екатеринбург

МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ

Количество маргинальных людей в современных обществах огромно в силу переходности их состояния. Отсюда большой интерес к данной проблематике. В статье рассматриваются особенности психологических структур маргинальной личности, которые дают возможность того или иного разрешения маргинальной ситуации.

Нельзя не согласиться с утверждениями, согласно которым маргинальны все современные общества – в силу переходности их состояния. Что все мы, люди современной цивилизации, особенно жители мегаполиса – «чужаки», т.е. маргиналы в собственном мире. «Маргинальный статус стал в современном мире не столько исключением, сколько нормой существования миллионов и миллионов людей». [Е.Рашковский, Маргиналы//50/50; Опыт словаря нового мышления, М.,1989,С.147]. Что вообще каждый из нас – в некотором смысле маргинал: через каждого проходят какие-то границы, мы